

Сергей Николаевич

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

К 30-летию

**Школы гражданского просвещения
Лены Немировской и Юрия Сенокосова**

ШКОЛА ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

РИГА

2023

Николаевич С.

Век просвещения. К 30-летию Школы гражданского просвещения
Лены Немировской и Юрия Сенокосова. – Рига:
Школа гражданского просвещения, 2023. – 40 стр.

Редактор Александра Заматаева

Верстка Виктории Матисон

Фотографии на стр. 29, 39 Андрея Рудакова,
на стр. 30–37 Олега Начинкина

ISBN 978-9934-9133-3-4

*Если задать вопрос, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет: нет, но мы живем в век **просвещения**.*

И. Кант

Свободный рынок не может быть самодостаточной основой для мира и безопасности. Для того чтобы он стал безопасным полем для торговли и взаимодействия между народами, необходимы надежные политические основы.

Лайонел Роббинс

У подножия вулкана

Последние четыре года они живут в Риге. Фактически это эмиграция, хотя Лена Немировская и Юрий Сенокосов это слово не любят. «Изгнание» тоже звучит как-то слишком торжественно («И изгнания воздух горький, как отравленное вино»). И даже «релокация», о которой сегодня часто слышишь, не подходит. Может быть, чужбина? Комфортабельная, русскоговорящая, хорошо обжитая, но... чужбина.

Я никогда не был в их знаменитой московской квартире на Кутузовском проспекте. Но хорошо могу представить и ее, и виды из окон, поскольку жил в том же самом доме почти тридцать лет. Подъезд в подъезд. Рижская квартира Лены Немировской и Юрия Сенокосова светлая, просторная, один минус – соседство с модным клубом, прямо под окнами их спальни. Выяснилось это, правда, уже после того, как они переехали. В первую ночь было не до сна. Во вторую, впрочем, тоже...

Сами о том не помышляя и никак к этому не стремясь, они превторили в жизнь завет великого Ницше, который настоятельно рекомендовал всем селиться у подножия действующего вулкана, чтобы оценить всю прелесть и неповторимость бытия. Грохочущая ночная дискотека – это light вариант. Не Везувий, конечно, но с годами хочется все же чего-то поспокойнее.

Обо всем этом Лена и Юра рассказывали мне без всякого надрыва, а скорее с насмешливой улыбкой бывалых людей, приученных держать удар и самостоятельно справляться с разного рода неприятностями, чей мстительный поток с годами не только не убывает, но, кажется, только набирает силу, становясь все более целенаправленным и безжалостным.

Но они не сдаются. И Школу свою не бросили, и книги издают, и журнал, и почти все время в пути. Когда ни позвонишь, или завтра уезжают, или только вернулись, или ждут своего рейса в каком-нибудь аэропорту. Оба максимально загружены делами. Оба в движении. Без скидок на былые заслуги и возраст. Без обязательных тяжелых чемоданов и полагающегося VIP-статуса. Жизнь налегке. Может быть, здесь стоит искать разгадку их многолетнего союза, а заодно и ключ к пониманию идеи Школы гражданского просвещения, созданной ими как будто из воздуха времени перемен, распечатанной на двух несолидных страничках размером А4, а потом переведенных на английский язык. «На хороший английский язык» – со значением скажет Лена. А до этого всего была встреча. Тоже случайная, никем специально не срежиссированная, не подстроенная. Впрочем, о ней следует рассказать особо.

Бархатный сезон

1987 год. Пицунда. Сентябрь. Точнее, конец сентября. Бархатный сезон, который на Кавказе считается самым привлекательным. Время отдыха взрослых людей. Уже не так жарко, но море теплое почти как в августе. Дети школьного возраста съехали. Сосны, цикады, дешевое вино... Последняя осень советского рая. Скоро этого не будет, кроме цикад и моря. Всё разворуют, растащат, поделят, а то, что поделить будет нельзя, уничтожат или зальют кровью. Через пять лет в августе здесь вспыхнет самая настоящая война. Абхазы против грузин. Грузины против абхазов.

А пока Юра и Лена с их грузинским другом Мерабом Мамардашвили проводят время на пляже. Общаются, выпивают, знакомятся с новоприбывшими. Именно тогда состоялась встреча философа Мераба Мамардашвили и о. Александра Меня. Они знали друг о друге по рассказам Юры, но лично до этого не встречались. И летоисчисление Школы гражданского просвещения можно начинать с этой встречи. Хотя о Школе тогда еще никто не помышлял. Но сама идея просвещения с целью более правильного и осмысленного устройства жизни в любимом отечестве уже носилась в воздухе.

На наших глазах, скажет позднее Юра, на берегу моря в южной Абхазии происходила символическая встреча выдающегося философа и выдающегося священнослужителя. Символическая в том отношении, что, несмотря на совершенно разный жизненный опыт, встретившись впервые, они понимали друг друга с полуслова. Философ и богослов не спорили, хотя, казалось бы, были для этого все основания и причины, но они думали об одном и том же – о свободе и человеческом достоинстве.

Вдали от дождливого уныния средней полосы было явно легче и приятнее решать вопрос: «Как обустроить Россию?»

Впрочем, спустя непродолжительное время их можно было вновь увидеть вчетвером в поселке Семхоз недалеко от Сергиева Посада,

*Стоят (слева направо) Юрий Сенокосов и о. Александр Мень.
1970-е гг.*

где жил о. Александр, и там за ужином они продолжали общение. А затем неспешный разговор, начатый в Пицунде, продолжится в Москве на кухне с видом на одну из самых красивых сталинских высоток, гостиницу «Украина». Квартира Лены Немировской и Юрия Сенокосова на долгие годы станет ключевым адресом для всех ищущих, страждущих и несогласных.

Более того, можно даже сказать, что этот разговор никогда с тех пор не обрывался и, подхваченный друзьями, последователями, учениками, длится уже больше тридцати лет. И вопросы, которые обсуждались во время того памятного разговора, а позднее и на Кутузовском, по сути остались все те же: что есть человек? что есть власть? как противостоять напору государственной репрессивной машины? и возможно ли это?

La lumière по-русски значит «свет»

Сама Лена Немировская убеждена, что Школа их случилась как-то сама собой. Вначале были их друзья, родные люди, Мераб, отец Александр Мень. Но вскоре они ушли один за другим в тот же предпоследний советский 1990 год: отца Александра убили 9 сентября у порога его дома в поселке Семхоз, а 25 ноября в московском аэропорту Внуково от разрыва сердца умер Мераб. И эти две смерти как два предупреждающих выстрела в ночи. Стой, не ходи! Опасно для жизни!

Но Лена и Юра посчитали, что нет, все ровно наоборот. Не надо ничего бояться. Страх унижает. Надо действовать наперекор враждебным обстоятельствам и самым мрачным суевериям. Разве не это задача истинных просветителей и гуманистов?

А потом будет 1991 год, ГКЧП, путч. Три ночи и три дня они провели на гранитных ступенях Белого дома. Россия была тогда у всех на устах, на всех телеэкранах и первых полосах. После путча Лене дозвонились из французского интеллектуального журнала *Belvédère* и попросили написать заметку. Поначалу она думала отказаться, но потом согласилась. Все-таки не каждый день оказываешься в эпицентре большой истории! Так появилось ее «Письмо из Москвы», посвященное августовскому путчу.

Спустя какое-то время на Кутузовском раздался еще один иногородний звонок: в Москву с официальным визитом собирается важная дама, Генеральный секретарь Совета Европы г-жа Катрин Лалюмьер. У нее запланирована в Белом доме встреча с Борисом Ельциным, но после она хотела бы зайти к Лене и Юре. Только одна просьба: пожалуйста, не путайте Генерального секретаря Совета Европы с председателем Европарламента, а Страсбург – с Брюсселем.

Лена пообещала не допустить таких *faux pas*. И действительно, в назначенное время к ним на Кутузовский пожаловала элегантная дама, а с ней пять или шесть представительных мужчин. *La lumière*

В центре – Катрин Лалюмьер. 1994 г.

в переводе с французского означает «свет». И звучало неожиданно обнадеживающе. Свет просвещения шел в Россию из Европы. В тот вечер говорили о демократии, о французской философии, вспомнили Декарта, которым был увлечен Юра. А когда около двенадцати часов вечера гости засобирались уходить, один из мужчин вкрадчиво сказал Лене: «Я знаю, что у вас написаны какие-то странички о школе содействия развитию демократических институтов и гражданского общества в России. Можно я их у вас сейчас возьму и мы посмотрим?»

Через девять месяцев состоится еще одна историческая встреча. На этот раз сугубо официальная, в Страсбурге, в кабинете Генерального секретаря Совета Европы, где Лене сообщили, что их с Юрой проект принят. Но поскольку Россия пока не является членом Совета Европы, проект будет лично курировать сама мадам Лалюмьер. Et voilà! Кажется, так не бывает. «У нас были только общие французские друзья, – вспоминает Лена, – то есть по официальным бюрократическим меркам я была человеком с улицы». А тут такое доверие! Почему? За какие заслуги?

Двое

На самом деле все решает сила личности. Лене доверяешь сразу и безоговорочно. Она умеет себя так поставить, умеет так посмотреть. Без ложной многозначительности, но каждое слово – всегда в цель. За каждой паузой – напряженно работающая мысль. И эта способность все додумывать до конца. Ничего не бросать на полпути. Все помнить, все держать под неусыпным контролем. И при этом никогда не давить своим авторитетом, именем, связями. Быть контактной, ироничной, уметь дружить, уметь располагать к себе с первых двух-трех фраз. Неотразимость обаяния Лены в разные годы ощутили на себе и Маргарет Тэтчер, и Генри Киссинджер, и Джордж Сорос, и Борис Джонсон, и Ангела Меркель. И даже то, что она до сих пор так и не приучилась быть величественной Еленой Михайловной, а по-прежнему легко отзывается на «Лену», предпочитая, чтобы так к ней обращались даже те ученики Школы, которые годятся ей во внуки, – это не дамское кокетство, а свойство молодой души.

А рядом Юра. Юрий Петрович Сенокосов, философ, историк, один из главных энтузиастов идеи гражданского общества и гражданского просвещения в современной России. Как и полагается в семейной паре, они идеально дополняют друг друга. Как правило, она больше молчит или говорит медленно и веско, и тогда все должны замолкнуть. А он любит застолье, любит подбрасывать в общий разговор свои мысли и темы, давая другим возможность непременно высказаться. Интеллектуальный коммуникатор, море обаяния! В его режиссуре самая обычная кухонная посиделка становится философским диспутом, а высоколобый интеллектуальный спор – дружеским застольем. Ему дан дар говорить о сложных материях просто и доходчиво. При этом у него всегда наготове цитаты из Канта, Декарта, Чаадаева или Мамардашвили, что придает любой беседе с его участием «величие замысла».

Этот его дар очень пригодится, когда они с Леной начнут проводить разные сессии Школы, придумывать темы для семинаров, формулировать идеи, приглашать разных выдающихся спикеров. Любимое выражение Юры: «Все мы разные, но мы – граждане». И тогда логичен вопрос: способны и готовы ли мы в таком случае не просто желать, например, справедливости и добра, но сами участвовать в созидании общественной справедливости и добра, придавая им статус реального события? Не просто являться гражданином по паспорту, но быть им?

Моральные уроки истории

Апрель 1993 года выдался в Москве жарким. Весна началась как-то тревожно быстро. В воздухе чувствовалось напряжение, которое рано или поздно должно было прорваться и вспыхнуть. На майские праздники, обычно проходившие под советскими лозунгами «Мир, труд, май», впервые вдруг реально полыхнуло огнем гражданской войны. Яростное столкновение с милицией, побоище на Октябрьской площади, драки на улице, ожесточенные толпы, готовые крушить все на своем пути... Не за горами была и новая осада все того же Белого дома, и баррикады на Красной Пресне, и самосудные расстрелы защитников Белого дома в парке им. Павлика Морозова... Россия, гордо объявившая себя на весь мир «свободной», вдруг обнаружила себя в полушаге от военной диктатуры и затыятого гражданского противостояния, которое, как водится в отечественной истории, разрешилось военной канонадой. В сущности, и кровавые драки в мае, а позднее и танки в октябре 1993 года у Белого дома – все это были отчетливые сигналы, что никакие заклинания и красивые слова о свободе больше не работают. В России подчиняются не словам, а силе. И сила была применена властью со всей мыслимой жестокостью.

...А в это время, все в том же апреле 1993-го, пока сторонники Ампилова и Зюганова мастерили к 1 Мая свои агитационные плакаты и прикалывали к лацканам пиджаков красные банты и нейлоновые красные гвоздики («спутницы тревог»), в элитном доме отдыха на Рублевке «Лесные дали» под сенью управделами президента проходил первый семинар Московской школы политических исследований. Именно так тогда называлась Школа Лены Немировской и Юры Сенокосова.

Если быть совсем точными, то до этого эпохального события Школа успешно провела еще две конференции. Но они состоялись за границей: в Лондоне, в Школе славистики (1990), и в городке Ко (Швейцария) под эгидой общества «Моральное перевооружение» в августе 1992 года. Но там, вдали от российских реалий, дискуссии носили скорее академический характер. Больше толковали о моральных уроках истории, чем о практических шагах. То, что для иностранцев было давно заведенной нормой, как местоположение ножей и вилок за обеденным столом, нашими соотечественниками воспринималось как нечто из ряда вон выходящее. За западными гостями и спикерами была многовековая традиция прав и свобод, существующих в самой основе европейской цивилизации, а за русскими участниками – ледяной ветер и зияющая пустота, которую тщетно пытались заполнить философскими умствованиями, утопическими идеями и малореальными проектами.

Может быть, точнее других описал ситуацию, выступая в Ко, известный публицист-диссидент Лен Карпинский, отец которого на заре революции был соратником Ленина. Он озаглавил свое выступление по-солженицыновски – «Жить не по лжи» – и со всей откровенностью рассказал о своих взаимоотношениях с коммунистической партией, о попытках бороться за реформы внутри системы. Вслед за Мерабом Мамардашвили, назвавшим СССР «антиобществом», Карпинский охарактеризовал его как феномен абсолютного «антимира», в котором невероятно трудно установить, где именно

заключается ложь. Многие искренне пытались найти свой путь, обозначить свою позицию неучастия во лжи, оставаясь при этом внутри советской системы. Но, как показала история, все эти попытки приводили в лучшем случае к вынужденной эмиграции, в худшем – к аресту, ссылке или длительным срокам заключения.

О том, что не стоит обольщаться демократической эйфорией начала 90-х годов, предупреждал Юрий Карякин, один из лучших отечественных специалистов по Достоевскому, а в то время советник Б. Ельцина по вопросам культуры: «Одно из духовных преступлений коммунизма... состояло в том, что он отменил понятие греха и порока. Он их заменил понятиями ошибок и недостатков».

Нельзя покаяться, пока ты не признал, что совершил злодеяние; слово «покаяние» предполагает некое моральное усилие, связанное не просто с признанием ошибки (ибо последняя сводится всего лишь к недостатку информации), но с осознанием зла. Такая постановка вопроса предполагает личную ответственность и вину. Главное преступление коммунизма заключалось в том, что моральный акт личного выбора и личной ответственности был начисто аннулирован из процесса исторического созидания. При этом Карякин заявил, что, например, сам он никогда не смог бы участвовать в суде над КПСС, так как состоял в партии и долгие годы был правозащитником коммунистом.

Это признание вызвало немедленный отклик у Вячеслава Игрунова, бывшего диссидента и одного из активистов общества «Мемориал». И хотя он всю жизнь посвятил борьбе с коммунистической системой, но искренне считал, что не следует винить в злодеяниях лишь компартию. В этом повинен весь народ. «Всем не хватает смелости обнаружить зло в себе», – заявил В. Игрунов.

На тему зла, открывая конференцию, высказался и Юрий Сенюков в своем докладе «Проблема насилия и структура рациональности». По его мнению, крайняя степень зла, которая выпала на

долю России, не должна приводить к ожесточению тех, кто пытается сегодня с этим злом бороться. И в подтверждение своей мысли процитировал слова Ницше: тот, кто вступает в схватку с чудовищем, обязан помнить, что и самому легко превратиться в чудовище. Страстное желание добиться правды и непременно наказания виновных не должно привести к вспышкам нового насилия.

По сути, дискуссии первых лет существования Школы сводились к некоему кругу вопросов, к которому были подключены лучшие западные и отечественные умы. Как противостоять злу, не заражаясь его ядом и дурной энергией? Можно ли быть моральным, не впадая при этом в морализм? А главное, возможно ли альтернативное, не насильственное развитие российского общества? Готово ли оно к тому, чтобы воспринять западные либеральные ценности, свидетельствующие о том, что для свободной рыночной экономики нужны соответствующие политические основы?

«Мы находимся в самом начале духовного и нравственного одоления коммунизма, – пророчески сказал тогда Юрий Карякин, – и не будем обольщаться его внешним крахом. По-видимому, дело вовсе не в том, что был период греха, а теперь период покаяния. В каждой точке нашего духовного бытия прошлое присутствует до последнего мгновения нашей жизни».

Дальнейший ход событий лишь подтвердил правоту его слов.

Не успел закончиться первый семинар в «Лесных даях», как грянули первомайские беспорядки в Москве. Моральные уроки истории, о которых столько говорили спикеры, фактически были дезавуированы стрельбой по Белому дому в октябре 1993 года. Именно тогда даже закоренелые оптимисты осознали, что историю нельзя начать заново. Ее можно только продолжить с абсолютно трезвым пониманием прошлого, которое не отпускает.

Что такое просвещение?

Поняв, что разобраться с прошлым до конца вряд ли удастся, создатели Школы сосредоточились на настоящем и будущем. Они мечтали о построении такого государства, которое вызывало бы уважение, а не страх и ненависть своим произволом. О власти, достигающей поставленных целей не из-за страха перед новыми бунтами и взрывами недовольства, а благодаря знанию, как сохранять общественное спокойствие. И, конечно, о том, что во всех ситуациях надо пользоваться прежде всего своим умом.

Sapere aude! («Имей мужество думать собственным умом!») Именно этот призыв Иммануила Канта не случайно стал одним из девизов Школы Лены Немировской и Юрия Сенокосова. Они апеллировали к разуму, к способности мыслить независимо, к желанию людей быть свободными гражданами, а не просто населением.

Когда-то в статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» Кант назвал лень и трусость главными причинами, почему большинство людей остаются на всю жизнь несовершеннолетними. По этой же причине другие люди присваивают себе право быть их опекунами. Провозглашая, что просвещение – это единственный выход человека из состояния несовершеннолетия, Кант внятно обозначил и главное условие, при котором настоящее просвещение возможно. Это – свобода! С XVIII века, то есть с того самого времени, как появилось понятие «гражданское общество», начался процесс поиска возможностей для мирного сотрудничества, взаимовыгодного партнерства и участия людей в общественной жизни. Почему это удалось европейцам и совсем не получилось у русских – отдельный и сложный вопрос. И тем не менее его надо было поставить и начать решать.

В середине 90-х годов смелые идеи гражданского просвещения находят самый живой отклик не только среди гуманитариев и интеллектуалов, но и среди политической элиты, все больше

присматривавшейся к западному опыту и его главным проводникам в России.

За тридцать лет через Школу прошло почти тридцать тысяч человек. Тут и депутаты всех думских созывов. Либералы и коммунисты, центристы и радикалы, социалисты и консерваторы. Были и региональные лидеры, и администраторы, и предприниматели, и журналисты. Всех не перечислить.

В архивах Школы есть видео, где все они запечатлены в своих парадных костюмах и галстуках, в сущности, малоотличимые от таких же активистов и партийных функционеров, съезжавшихся на свои конференции и сборы тридцать и сорок лет назад.

Ну и антураж соответствующий – на этот раз уже, правда, не элитные «Лесные дали», которые с конца 90-х годов были отданы под конференции «Единой России», а подмосковный дом отдыха «Голицыно». Там всё, кроме княжеской фамилии, оставалось сугубо советским. Никаких европейских или новорусских изысков. Комфорт среднего профкомовского уровня. Но ведь не ради него сюда стремились молодые люди из Армении, Белоруссии, Болгарии, Грузии, Монголии, Украины, Эстонии. Не говоря уже о региональной России.

Ставка больше, чем жизнь

«Школа Лены Немировской и Юрия Сенокосова»... Само название звучало гордо, как набат. Значит, есть люди, которым не все равно, которые хотят что-то изменить в российском обществе, кто верит в общечеловеческие ценности и готов их отстаивать на деле. Именно здесь, в Голицыне, каждый раз происходила очная ставка традиционной российской имперской ментальности с универсальными западными ценностями.

Иногда это бывало мучительно трудно, чаще – увлекательно, но всегда плодотворно и полезно. Смысл этой очной ставки лучше

других сформулировала все та же мадам Лалюмьер, когда посетила семинар в Голицыне на двадцатилетие Школы в 2012 году. Тогда она сказала: «Политическая власть стремится к тому, чтобы сосредоточить как можно больше полномочий, а общество должно ее контролировать. Еще Монтескье сказал, что любая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Поэтому нужен механизм противовеса или, скажу так, нужна определенная мораль, если хотите, цивилизованность, основанная на морали».

Собственно, Школа и пыталась все эти годы предложить российскому обществу современную универсальную модель мироустройства, доказывая, убеждая, объясняя, что материальные аспекты жизни, конечно же, важны и даже необходимы, но они не должны подменять собой мир идей, мир культуры, мир философских и моральных ценностей. А чтобы этой фатальной подмены не произошло, надо действовать, нельзя сдаваться на милость власти.

«Не оставайтесь безразличными! Возмущайтесь! Протестуйте! Действуйте!» – эта цитата из мемуаров героя французского Сопротивления, узника Бухенвальда, правозащитника Стефана Хесселя, которую привела в своей речи в Голицыне мадам Лалюмьер.

Молодые правозащитники были, конечно, в восторге, а вот те, для которых важна карьера, опасливо прятали глаза.

В то время в орбиту Школы была включена почти вся политическая элита России: от Владимира Рыжкова до Льва Шлосберга, от экономиста Андрея Илларионова до пресс-секретаря Кремля Сергея Ястржембского.

Но из Школы вышла и Ирина Яровая, автор печально знаменитого пакета законов «О противодействии терроризму». Из песни слов не выкинешь. Слишком много людей проходили Школу. Слишком разные у них всех были цели.

Когда их закрывали

«Первые сотрудники ГБ появились у нас в 1997 году, – вспоминает Лена Немировская. – Они не скрывали своих намерений. И в каждой группе эти люди так или иначе присутствовали. Но поскольку наша с Юрой идея заключалась в том, что все карты на стол, мы никак этому не собирались противодействовать. Более того, мы всегда исходили из того, что чем больше открытости, тем больше эффекта. С годами давление только усилилось. Прокуратура пришла к нам в 2014 году. Сразу после Крыма. Тогда нам ясно дали понять, что Школу дальше терпеть никто не собирается. На всю жизнь я запомню ту строгую женщину-прокурора. Ей было, кажется, сорок с чем-то лет. Еще молодая. В форме с погонами. Мы все собрались в одной комнате, чтобы выслушать приговор, который она зачитала, ни разу не запнувшись, не сбившись. Был там и наш знаменитый юрист, который не растерялся и задал ей свой вопрос напрямую: «Скажите, а почему вы закрываете Школу? Ведь они прошли все проверки. И все проверки ничего не подтвердили. Никаких финансовых нарушений или злоупотреблений. За что?»

И прокурор, отчитав все, что ей полагалось, под финал своей официальной миссии спросила: «Ну раз вы такие хорошие, то почему ваша Школа не государственная?» На самом деле это все, что было доступно ее пониманию закона и права. Если государственная, значит, правильная, значит, законная. Если негосударственная, значит, сомнительная, и лучше запретить.

Объявленная иноагентом, Школа прекратила свое существование в России, а Ассоциация из 22 школ политических исследований, созданных по образцу Московской школы Советом Европы в постсоветских странах, а также в Марокко и Тунисе, была включена прокурором РФ в список нежелательных организаций.

Форум в Берлине в декабре 2022 года, формально приуроченный к 30-летию создания Школы, был посвящен как раз самым болевым

и острым вопросам: война в Украине, отмена русской культуры, кризис европейских ценностей, судьба независимых СМИ в изгнании... Кажется, чтобы проговорить некоторые из этих тем, не хватило бы и недели, но организаторы форума сумели уложиться в два дня.

Берлинский маршрут

Восточный Берлин в какой-то момент обязательно напомнит вам Ленинский проспект в Москве. Те же просторы, те же продуваемые всеми ветрами трассы, устремленные в никуда. Понятно, что за тридцать лет после падения Берлинской стены здесь много всего изменилось, однако какой-то еле различимый гэдээровский дух все равно остался. Но, наверное, только для тех, кто жил в СССР.

Маршрут нашего автобуса, следовавшего от Александерплац до Центра Генриха Бёлля, проходил мимо здания «Фридрихштадтпаласта», самого знаменитого кабаре в Восточной Европе. Помню, что отдельные концертные номера из его программ показывали по советскому ТВ глубокой ночью как апогей чего-то абсолютно роскошного, буржуазного и недоступного простым гражданам.

В декабре 2022 года ни праздничных огней, ни каких-то очевидных признаков жизни там не наблюдалось. И вообще с освещением в Берлине, как мне показалось, не очень. Экономия и еще раз экономия. Sparen und wieder sparen!

И Центр Генриха Бёлля тоже воображение не поражает. Все очень функционально, просто, строго. На фоне серой офисной гаммы выделялись только три стенда с цветными фотографиями экспертов Школы разных лет. Что-то вроде настенного фотоальбома, который можно было рассматривать бесконечно, мысленно пролистывая разные памятные страницы школьной истории. Как потом призналась Лена, отбирали фото с особым умыслом, чтобы никому не навредить. Ведь многие эксперты и спикеры остаются по-прежнему в России. Зачем им лишние проблемы?

И тем не менее русских было много. Большинство участников переехало в Европу после 24 февраля 2022 года. И Школа для них стала чем-то вроде Ноева ковчега, где можно спастись, укрыться, пересидеть потоп. Тут уютно, тепло, дают бесплатный кофе, просвещенные иностранцы рассказывают о либеральном мироустройстве, о гражданских правах и демократических ценностях. И, конечно, все говорят о войне в Украине, от исхода которой во многом зависит судьба современной демократии, а значит, в каком-то смысле и участь всех присутствующих.

Кто-то настроен пессимистично. Ничего позитивного от России ждать не приходится. Речь может идти только о сдерживании, удержании ее от еще более масштабной войны. Другие высказываются более примирительно, мол, Путин – это далеко не вся Россия. Не стоит недооценивать процесс культурной модернизации, происходивший там в последние 20 лет. Нельзя сбрасывать со счетов и тысячи прогрессивно мыслящих людей, имеющих какой-никакой политический опыт и готовых им воспользоваться, как только появится хоть какая-то возможность – в случае, если Россия войну проиграет.

«Но когда же, когда?» – задыхался от нетерпения зал, поднимая вверх лес вопрошающих рук. «Долго ли еще?» – волновались присутствующие, задавая всезнающим гуру свой главный вопрос. «Кроме высоких материй нам в Школе всегда было важно, – говорила Лена в своем вступительном слове, – чтобы во время семинаров их участники почувствовали, что дискуссия – это совершенно особое поле взаимодействия. Самое важное здесь – не то, как я выиграл, а то, что я понял. И для наших семинаров этот переход от знания к пониманию – главная цель. Поэтому если кто-то недополучает знания, но получает заряд мысли, погружается в дискуссию, мы считаем, что семинар удался».

Тогда на форуме, посвященном 30-летию Школы, бесспорно, сработал выбор самого места. Берлин, его камни, хранящие память о главной трагедии XX века, – не просто еще одна локация, а

молчаливый свидетель всех дискуссий и споров. В зале, где проходили доклады и выступления, не было окон. И тем не менее зимний, графичный, сумрачный город все время напоминал о себе и о том, что ему пришлось пережить всего каких-то семьдесят пять лет назад. И подняться из руин, и принять на себя вину за все злодеяния и преступления нацизма, и радикально перестроиться, избавившись от имперских орлов и комплексов. На это ушли годы и жизнь нескольких поколений. Тем не менее немцам это удалось. Значит, этот шанс есть и у нас.

Групповой портрет с Генрихом Бёллем

Или эпохальная фигура писателя и мыслителя Генриха Бёлля. Он тоже неспроста оказался вписан в групповой портрет с выпускниками Школы. И не только потому, что центр, принимающий их, назван в его честь. Имя Бёлля как пароль в мир западного понимания свободы и гуманистических ценностей. Символично, что именно Бёлль был первым из тех западных интеллектуалов, кто приветствовал Александра Солженицына, изгнанного из Советского Союза в 1974 году.

Давать прибежище, протягивать руку помощи, принимать деятельное участие в судьбе другого – это тоже в традиции Школы, полностью разделяющей программные установки Центра Генриха Бёлля. Да и в самом выборе тем для дискуссий и выступлений чувствовалась умелая и умная режиссура программного координатора Инны Берёзкиной. Ведь мало придумать интересную тему, ее надо суметь подать, найти правильного модератора, выстроить всю дискуссию.

В некоторых случаях это получилось совершенно блестяще, как, например, во второй день, который начался с трагической оды запрещенному «Мемориалу», а закончился «Голосами Школы», озвучившими свидетельские показания буквально с места военных

событий. Тут и судьбы беженцев, и история массового исхода в феврале – марте 2022 года, и идиллическая модель совместного проживания украинских и российских беженцев в одном доме где-то в далекой Черногории – все эти свидетельства еще ждут своего исторического и художественного осмысления.

Но главное, конечно, это люди, которых Лене и Юре по-прежнему удается собирать на свои форумы и семинары. Среди них были те, кто стоял у истоков Школы, кто активно участвовал в ее становлении.

Как, например, француженка Сильви Кауфман, редакционный директор Le Monde. На ее глазах и при ее непосредственном участии происходили все главные события, переменявшие судьбу Европы за последние тридцать пять лет. Именно столько лет Сильви ведет свои репортажи из разных горячих точек и пишет для Le Monde. Она видела падение режима Чаушеску, она помнит, как победила «Солидарность» в Польше. Совсем недавно она вернулась из Молдовы и знает, в каком напряжении там все пребывают, опасаясь российской агрессии. Всегда интересно взглянуть на события глазами человека, которому известны истоки, финалы и то, что бывает после конца. И в этом смысле у Сильви как у истинной француженки очень рациональный и ясный подход. Она видит историю в движении и верит в победу разума над хаосом. Верит в тайную взаимосвязь событий, как негативных, так и позитивных, способных вывести нашу цивилизацию из кризиса.

Среди участников конференции был и Доминик Моизи, один из тех, кто имел непосредственное отношение к рождению Школы, начиная с визита мадам Лалюмьер к Лене и Юре на Кутузовский в 1991 году. Вместе со своей женой, историком Дианой Пинто, они являют собой образцовую семейную пару европейских интеллектуалов, прямых наследников западной традиции, когда брак или любовный союз становился, кроме всего прочего, еще и совместной дорогой к просвещению. Таких пар немного, но они были и есть. Тут можно

Доминик Моизи и Диана Пинто (в центре). 2009 г.

вспомнить Жан-Поля Сартра и Симону де Бовуар, Жака Деррида и Маргерит Окутюрье...

С неизменной улыбкой Доминик Моизи будет развивать теорию эмоций, которую изложил в своей давней книге «Геополитика эмоций». Она была о том, как эмоции страха, унижения или надежды способны изменить мир и ход истории. Когда-то, вглядываясь в карту мира, Моизи находил больше надежды в Азии, больше унижения и подавления в арабско-мусульманском мире, больше страха в странах Запада. Эмоции как холестерин: они могут быть полезными, но могут быть вредными и опасными. В 2022 году эмоции в мире достигли своего апогея, и спровоцированы они не только агрессией России против Украины, но и негативными последствиями глобализации.

«Я говорю своим ученикам, что мне 76 лет и я никогда не знал такой страшной ситуации с тех пор, как родился. В 1962 году у Кеннеди и Хрущева еще в подсознании жили образы Хиросимы и Нагасаки. Теперь это уже не так, особенно у Путина».

И тем не менее эти два дня в Берлине, проведенные на семинаре Школы, дали ему ни с чем не сравнимое ощущение энергии и оптимизма. Почему? Наверное, дело в стойкости, предельной стойкости того самого универсализма, который исповедуют Школа и ее создатели. «Я просто хочу, Лена и Юра, поблагодарить вас не только за то, что вы сделали, но в основном за то, кто вы есть».

Люди и судьбы

Большая судьба – всегда источник вдохновения и пример для подражания. Тем более когда эти примеры не надо искать где-то в Google. На форуме в Берлине они располагались прямо в непосредственной близости. С ними можно было перекинуться парой слов, пообщаться за ланчем или ужином. И тем не менее даже пяти минут откровенного разговора было достаточно, чтобы понять, какая перед тобой необыкновенная личность или какая невероятная жизнь.

Таким открытием лично для меня стала гречанка Деспина Сирри, основательница Гражданской школы политических исследований в Греции. Невозможно представить себе человека, более одаренного талантом слышать чужую боль и мгновенно откликаться на нее словом, делом, просто каким-то немедленным живым, теплым движением души навстречу. Недаром с началом войны в Украине Деспина добровольно взяла на себя трудное бремя помощи беженцам. А ее выступление на форуме было посвящено тому, как сделать эту помощь более эффективной и действенной. При этом никаких громких обвинений, грозных призывов и пророчеств. Только доброта, сострадание, забота. Когда ты ощущаешь чужую боль как свою собственную, то приходят самые убедительные и правдивые слова.

Уже сильно позже, когда мы разговорились с Деспиной в машине на пути в аэропорт, я вспомнил Марию Каллас и то, что именно она, как никто из великих оперных див XX века, была одарена чувством трагедии. Реакция Деспины была мгновенной: «По рождению Мария эмигрантка. С самого начала она ощущала себя человеком без родины. Это сознание меняет все: твой характер, психику, восприятие жизни и мира вокруг. Трагедию нельзя сыграть или спеть, как в случае с Каллас, она должна жить в твоей душе».

А я подумал: сколько написано книг и трактатов о Марии Каллас, но никто не смог сформулировать так точно главную тайну ее жизни и творчества.

Вообще неожиданных пересечений судеб, историй, каких-то невероятных биографий на форуме было немало. Все два дня рядом со мной в первых рядах просидел элегантный господин, бывший посол Германии в Польше Арндт Фрейтаг фон Лорингхофен. Про него известно, что его аристократическая родословная восходит к XII веку, а его отец был личным адъютантом Гитлера. Фактически он был последний, кто видел фюрера живым 29 апреля 1945-го. Но есть и другая примечательная подробность в истории этой семьи. Родной дядя Арндта, полковник Вессель Фрейтаг фон Лорингхофен, был одним из главных участников заговора военных против Гитлера в 1944 году. Тогда покушение не удалось, и полковник покончил с собой, чтобы избежать ареста и пыток в гестапо. Эту трагическую историю поведал мне за ужином сам г-н Арндт Фрейтаг фон Лорингхофен. Для наглядности своего рассказа про покушение он продемонстрировал буквально на своих аристократических длинных пальцах, как от взрывной волны стол, за которым проходило совещание в охотничьем домике, перевернулся и, закрыв собой, спас Гитлера от неминуемой смерти.

Мы оба тяжело вздохнули. И каждый про себя подумал, что если бы не этот треклятый стол, то война точно закончилась бы на год раньше. И не было бы еще миллионов жертв.

Увы, история не знает сослагательного наклонения. Мы имеем то, что имеем. И правителей, которых не выбирали, и прошлое, которое нельзя изменить, и настоящее, в котором так мало надежды на мир и благоденствие.

Памятники гражданской свободе

И тем не менее надежда все равно есть. С новой силой она провалилась в дискуссии «Журналистика против тирании», где самым ярким спикером стал главный редактор медиаплатформы Republic Дмитрий Колезев. Сам он родом из Екатеринбурга. В марте вынужден был покинуть Россию. И вскоре был объявлен иностранным агентом. Сейчас живет в Вильнюсе.

Уже после форума я попросил Диму сформулировать, как он понимает и трактует понятие «гражданин». Кто для него самого является примером такого гражданина? И каково значение красной книжечки с двуглавым орлом, когда люди бегут из страны, получают другие паспорта, отказываются от гражданства, а вскоре, возможно, будут лишаться его принудительно?

В качестве ответа Дмитрий прислал мне целый развернутый трактат. Вот цитата из него: «Античный взгляд на гражданство и гражданскую добродетель заставляет нас думать о гражданах как о людях, заботящихся о благе своего государства. Но сегодня забота о благе Российской Федерации, под чьими знаменами бомбят украинские города, точно не кажется добродетелью... О чем благе должен заботиться российский или белорусский гражданин? Страны? Очевидно, да. Нелегитимной власти? Явно нет. Государства? Тут сложнее. Предположу, что точно не того государства, которое существует сейчас. Словарное определение говорит нам, что гражданство – это устойчивая политико-правовая связь человека с государством. Однако это право в России и Беларуси растоптано, а политическое участие граждан в жизни государств сведено почти к абсолютному

нулю. Граждане превратились в лучшем случае в подданных, а то и в рабов. В этом смысле разговор о гражданстве в классическом понимании, видимо, становится неактуальным до тех пор, пока в России и Беларуси не будут созданы демократические режимы и восстановлены конституционные права и свободы.

Но это не мешает каждому любить свою родину и желать ей добра безотносительно своего правового статуса. И поэтому среди примеров добродетельных граждан я приведу как раз тех, кого в свое время лишили советского гражданства, – Ивана Бунина, Иосифа Бродского, Александра Солженицына, Мстислава Ростроповича, Галину Вишневскую».

Символично, что всем людям из списка Дмитрия Колезева на родине поставлены памятники. Им поклоняются, ими восхищаются, их творческое наследие на родине хранят и изучают. В их честь названы улицы и площади. Все они – часть большого мифа о России, о стране, где все абсурдно, непредсказуемо, нелогично. Про которую никто толком не знает, где она начинается и заканчивается. Где поражение может быть объявлено громкой победой, а изгнание обернуться триумфальным возвращением.

Ну кто мог представить в 1974 году, когда Александра Солженицына высылали из СССР, что он вернется, да еще таким победителем. Или в далеком 1984-м, когда уже похоронили Андропова, но еще не умер Черненко, кто бы решился предсказать, что власти кремлевской геронтократии осталось максимум еще полгода. А ведь тогда советские диссиденты ощущали себя пораженцами, у которых нет будущего.

Но уже в 1985 году ситуация изменилась. И до исторической встречи Александра Меня и Мераба Мамардашвили, с которой мы начали этот очерк, оставалось всего каких-то два года.

Быть современным человеком

Это правда, что в России надо жить долго. Тем более когда тебя вынуждают ее покинуть. И ты оказываешься в изгнании. На неопределенный срок и с неопределенными перспективами.

Лена Немировская и Юрий Сенокосов познали эту банальную истину на собственном опыте. Как, впрочем, и то, что никогда не надо отчаиваться, нельзя опускать руки. Проигрывает тот, кто первым выходит из игры.

«Зачем нам сегодня необходимо просвещение, а не только образование? – спрашивает Юра. – Разве недостаточно уже, например, образованных профессионалов-айтишников для поиска решения экономических, политических, религиозных и т.д. проблем?» И тут же сам себе отвечает: «Нет, недостаточно... И даже интернет не поможет. Он лишь помогает наращивать знание (механическое). Но механически так называемые гуманитарные, жизненные цели не решаются даже за круглыми столами переговоров. Потому что понимаешь в какой-то момент, что твой свет ума только твой, а как его передать другому – загадка. Но она тем не менее решаема в публичном пространстве мира, а не войны. Зло и добро абсолютны. Но и мораль абсолютна, а вот наше отношение к морали может быть относительным. Если ты этого не понимаешь, то на дорогу свободы не выбраться. Европейцам это удалось, конвертируя религиозные заповеди в мораль, а затем мораль в нормы права. Но это был долгий путь».

В Берлине их в очередной раз кто-то из журналистов спросил, не жалеют ли они об этих тридцати годах, не разочарованы ли их итогами? И Лена ответила, как умеет только она, – раздумчиво, медленно и веско: «Нет, мы с Юрой не разочарованы и не очарованы. Мы просто понимаем, что всем нам предстоит постоянная, тяжелая и интересная работа быть современным человеком. Сегодня, находясь здесь, я не имею права ничего говорить о России, но знаю, что если лучшие люди моей страны не захотят ее осовременить в подлинном смысле этого слова, она не выдержит испытания временем. И теперь это понимают, кажется, все».

Январь 2023 года

Сооснователи Школы Юрий Сенокосов и Лена Немировская

Голицыно, 1998–2014 гг.

Крис Паттен, последний губернатор Гонконга (1992–1997)

Голицыно, 1998–2014 гг.

Голицыно, 1998–2014 гг.

Голицыно, 1998–2014 гг.

День в Голицыно. В центре – социолог Юрий Левада. 2003 г.

Последний семинар в Голицыно, 2014 г.

Юрий Сенокосов и Лена Немировская в рижской квартире

Оглавление

У подножия вулкана	3
Бархатный сезон	5
La lumière по-русски значит «свет»	8
Двое	9
Моральные уроки истории	10
Что такое просвещение?	14
Ставка больше, чем жизнь	15
Когда их закрывали	17
Берлинский маршрут	18
Групповой портрет с Генрихом Бёллем	20
Люди и судьбы	23
Памятники гражданской свободе	25
Быть современным человеком	27